

Е. А. Заславская*

**СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ
НАРРАТИВНОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
МОСКОВСКОЙ ТРАДИЦИИ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ****

В статье исследуется структура и механизмы нарративного сознания в контексте московской традиции аналитической философии, особое внимание уделяется вкладу ключевых отечественных мыслителей. Анализируются работы Н. С. Юлиной, разрабатывавшей синтез идей А. Уайтхеда и Д. Деннета в рамках процессуальной онтологии, а также труды А. Ф. Грязнова, чьи исследования философии языка Л. Витгенштейна и логического анализа заложили основы московской школы. Рассматривается концепция нарратива Д. Б. Волкова, связывающего его с проблемой тождества личности, и подход Д. В. Иванова к сознанию доступа (Д-сознанию) как управлению информационными процессами. Упоминается вклад Л. Б. Макеевой в развитие аналитической традиции, включая вопросы соотношения языка и реальности. Автор демонстрирует, как московские философы адаптировали западные идеи (логический атомизм Рассела, организмическую онтологию Уайтхеда) к отечественному контексту, подчеркивая их роль в преодолении картезианского дуализма через нарративные модели. Особое

---

* Заславская Елизавета Алексеевна — аспирант, Институт Философии СПбГУ, zaslavskayelizaveta@gmail.com, мл. науч. сотр., Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Elizaveta A. Zaslavskaya — postgraduate student, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, zaslavskayelizaveta@gmail.com, junior researcher, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00295, <https://rscf.ru/project/24–28–00295/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24–28–00295, <https://rscf.ru/project/24–28–00295/>; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

внимание уделяется натуралистическому пониманию сознания, его связи с языком и эволюционными механизмами, что открывает перспективы для когнитивных наук и психотерапевтических практик.

Ключевые слова: нарративное сознание, московская школа аналитической философии, процессуальная онтология, тождество личности.

E. A. Zaslavskaya

*THE STRUCTURE AND MECHANISMS OF NARRATIVE CONSCIOUSNESS IN THE
CONTEXT OF MOSCOW'S ANALYTIC PHILOSOPHY TRADITION*

The article examines the structure and mechanisms of narrative consciousness within the context of Moscow's analytic philosophy tradition, with particular focus on contributions by key Russian thinkers. It analyzes works by N. S. Yulina, who developed a synthesis of A. N. Whitehead's and D. Dennett's ideas within process ontology framework, as well as A. F. Gryaznov's studies of L. Wittgenstein's philosophy of language and logical analysis that laid foundations for Moscow School. D. B. Volkov's conception of narrative is examined in relation to personal identity problem, while D. V. Ivanov's approach to access consciousness (A-consciousness) as information processing management is discussed. The contribution of L. B. Makeeva to development of analytic tradition, including issues of language-reality relationship, is also addressed. The author demonstrates how Moscow philosophers adapted Western ideas (Russell's logical atomism, Whitehead's organismic ontology) to Russian context, highlighting their role in overcoming Cartesian dualism through narrative models. Special attention is paid to naturalistic understanding of consciousness, its connection with language and evolutionary mechanisms, which opens new perspectives for cognitive sciences and psychotherapeutic practices.

Keywords: narrative consciousness, Moscow School of Analytic Philosophy, process ontology, personal identity.

Аналитическая философия в России, в том числе в советский период, отличалась самобытностью, однако не существовала в изоляции от западного мира, как это может показаться на уровне исторической интуиции [14, с. 3]. Конечно, ведущее место в философских кругах занимала континентальная традиция, связанная с парадигмой марксизма, тем не менее разрабатывался и аналитический вектор философствования. Такие исследователи, как А. С. Богомоллов, А. Ф. Грязнов, М. С. Козлова, В. В. Целищев, А. С. Колесников, развивали собственные идеи, продолжая классическую линию аналитического философствования, однако в советский период в большей степени через призму истории философии, через критику «буржуазных» авторов, через исследования в сфере логики и философии языка [10]. Особое место в аналитической традиции занимает тема сознания, которая и сегодня остается «последним рубежом» [2] в науках о жизни. Среди выдающихся отечественных авторов неопределимый вклад в осмысление темы сознания и формирование уникальной московской школы аналитического философствования внесла Н. С. Юлина. В своих трудах путем глубокого анализа исторических параллелей Н. С. Юлина дополняет собственным оригинальным видением и развивает тезисы как классических аналитиков (таких как А. Уайтхед), так и современных авторов (Д. Деннет, Дж. Серл, Р. Рорти), синтезируя расширенное понимание структуры и механизмов нарративного сознания. Будучи научным сотрудником Института Философии РАН с 1958 г., Н. С. Юлина оставила после себя обширное фило-

софское наследие как автор более 300 научных трудов и как значимая фигура, определившая характер становления московской традиции аналитического философствования.

Сложно переоценить вклад другого выдающегося московского философа, заслуженного профессора МГУ А. Ф. Грязнова, ученика А. С. Богомолова. В работах А. Ф. Грязнова затрагивается обширный перечень тем и авторов, связанных с аналитической традицией, более того, особенное место в наследии А. Ф. Грязнова занимает исследование и осмысление философского творчества Л. Витгенштейна. А. Ф. Грязнов специализировался на философии языка, логики и истории философии, уделяя особое внимание проблемам соотношения языка, мышления и реальности, которые имеют прямую связь с проблемами сознания. Он активно развивал идеи логического анализа, заложенные Б. Расселом и Л. Витгенштейном, адаптируя их к отечественному философскому контексту. Активная научная и преподавательская деятельность советских московских исследователей, разрабатывавших проблематику аналитического философствования, послужила основой для становления и развития отечественной аналитической традиции, поддержанной такими современными авторами, как Д. И. Дубровский, В. В. Васильев, Д. В. Иванов, Л. Б. Макеева, Д. Б. Волков и другими.

Понятие нарратива попадает в поле пристального внимания в литературоведении, когнитивистике, психологии, истории, однако в рамках указанных сфер знания этот феномен рассматривается ограниченно, с позиций узкой применимости в определенной области. Важной особенностью аналитического философского подхода к проблематике структуры и механизмов функционирования нарратива является, во-первых, его метапонятийный характер, подразумевающий выдвижение гипотез о фундаментальных закономерностях и универсальности нарративности, и возможность рассмотрения нарратива с онтологических позиций, а во-вторых, натуралистичность, то есть опора на современные научные воззрения, не допускающие наличия сверхъестественного. А. Ф. Грязнов подчеркивал внимательное отношение аналитических философов к стилю философствования, не допускающему чрезмерной литературности, поэтичности, а тяготеющий скорее к научной точности:

«Он [стиль] характеризуется такими, например, качествами, как строгость, точность используемой терминологии, осторожное отношение к широким философским обобщениям, всевозможным абстракциям и спекулятивным рассуждениям... При этом аргументированной убедительности, логичности выводов отдается явное предпочтение перед их эмоциональным (или каким-либо иным) воздействием» [5, с. 6].

Одной из важных точек осмысления в философии сознания является преодоление так называемого провала в объяснении (*explanatory gap*), стремление разместить в единособстанциальной Вселенной и ментальное, и физическое [16, с. 15]; нарративное понимание сознания представляется перспективным для продвижения в данном вопросе и рассматривается как неотъемлемый способ структурирования реальности. Подобный подход особенно актуален в связи с потенциальной пользой в активно развивающихся и востребованных нар-

ративных практиках, таких как психотерапия. Натуралистическое понимание структуры и механизмов функционирования нарратива позволит повысить подконтрольность и, следовательно, эффективность подобных практик.

Согласно Л. Р. Бичу [18, с. 3], нарративом является последовательность упорядоченных во времени событий, однако эта упорядоченность не ригидно фиксирована, а в допустимой степени пластична [17, с. 12]: события укрупняются до состояния фигуры, формируются в последовательность, а затем дополняются новыми событиями, которые могут трансформировать существовавшую ранее последовательность, и так далее. Д. Б. Волков дает такое определение нарратива в контексте проблемы тождества личности:

«Под нарративом сторонники подхода обычно подразумевают представление последовательности событий. События в нарративе распределены во времени и связаны между собой смыслом. В нарративе просматриваются закономерности. Нарратив, таким образом, предполагает не только констатацию фактов, но также объяснение событий (каузальное или логическое)» [3].

Таким образом речь идет о процессуальном характере нарратива, его динамичности и беспрестанной трансформации как его компонентов, так и отношений между этими компонентами, которые можно рассматривать как с гносеологической, так и онтологической точек зрения. В целом мотивы онтологической монистической процессуальности можно рассматривать как звучащие в аналитической философии с самых истоков ее развития. А. Ф. Грязнов отмечает, что идеи логического атомизма Б. Рассела стали отправным пунктом для развития всего аналитического движения [5, с. 9], например, у Б. Рассела:

«Привычно думать об атоме как о бильярдном шаре; однако точнее отражает истину представление о нем как о духе, который не имеет плоти, но может поднять вас в воздух. Мы должны изменить наши представления как о субстанции, так и о причинности. Сказать, что атом постоянен, — все равно что сказать, что мелодия постоянна. Если мелодия исполняется пять минут, мы воспринимаем ее не как единое целое, существующее в течение этого времени, а как серию нот, составленных таким образом, чтобы образовать это единство» [25, р. 144].

В контексте нарративного сознания можно рассматривать атомарные события как минимальные единицы нарратива. Каждое событие в нарративе в таком случае интерпретируется как атомарный факт, который в сочетании с другими фактами формирует сложные структуры и все более крупные единства.

Н. С. Юлина видит в аналитическом курсе на процессуальность формирование целостного, даже метафизического взгляда на реальность, амбицию на создание холистической системы [16, с. 207], функционирующей на основании новаторских принципов. Можно сказать, речь идет о перерождении метафизики через ее отрицание. Философская работа на, казалось бы, нерушимых границах (между живым и не живым, сознательным и не сознательным, ментальным и материальным), отражает стремление плеяды аналитиков преодолеть плотины, мешающие свободному течению процессуальности мира. Д. Деннет открыто заявлял о своем интересе к осмыслению «стыков», что можно объяснить желанием построить мосты через «пропасти» в рамках не допускающей

прерывистости натуралистической картины мира. В конце 20-х гг. прошлого века другой выдающийся аналитический философ, А. Уайтхед (уместно указать здесь тот факт, что Б. Рассел какое-то время был студентом А. Уайтхеда), писал:

«Существует великое множество видов живых существ. Начиная от человечества, продолжая всеми позвоночными, насекомыми и примитивно организованными животными, которые кажутся сообществами клеток, и заканчивая всеми разновидностями растительной жизни и самыми микроскопическими формами жизни. На нижнем пределе шкалы затруднительно обрисовать какие-либо резкие различия между живыми существами и неорганической материей» [28, р. 3].

Стремление найти общие закономерности и основания функционирования ментального и физического, решение онтологического картезианского разлома, проявляется и в поисках базовых единиц бытия.

А. Уайтхед рассматривал событие как приписываемую действительности онтологическую категорию как ключевой элемент в структуре опыта, то есть своеобразную минимальную нарративную единицу. Событие (*actual occasion*) — это любой «случай» опыта мирового организма (будь то факт, ощущение, переживание, эмоция), который является частью непрекращающегося процесса бытия. События формируются через сращение [12], своеобразное сближение, слипание между собой других событий, происходящее благодаря креативности [12, с. 297]. Событие — это не нечто фиксированное или завершенное, это также активный процесс, в ходе которого совершается интеграция множества факторов. Уайтхед полагал, что каждое событие вбирает в себя влияние других событий, преобразует их и вносит вклад в последующие процессы. Его онтология выдвигается как альтернативное субстанционализму (физическому, ментальному, нейтральному) организмическое процессуальное решение: «Вселенная представляет собой целостный, единый, живой, творчески развивающийся и целенаправленный организм» [15], состоящий из событий, вбирающих и продолжающих друг друга в процессе нескончаемого становления. Подобное решение Н. С. Юлина рассматривает в том числе и как реакцию на изменяющуюся с начала XX в. научную картину мира (особенно значимо влияние теории относительности Эйнштейна) и стремление вписать существующие философские дихотомии в каузально закрытую действительность. Д. Деннет развивает идеи процессуальности, экстраполируя их на личность и сознание: в его нейтральной онтологии личность лишена акторства и становится процессом в рамках глобального биосоциального процесса: «ученый человек — это только способ, каким одна библиотека создает другую библиотеку» [13, с. 195]. Тезис Деннета о том, что авторство личных намерений является иллюзией, логично вытекает из заявленной им онтологии. Он рассматривает нарративизацию самости (процесс постоянного адаптивного формирования «Я» с использованием языка) как основной функциональный принцип, управляющий организацией эволюции. Этот взгляд позволяет Деннету отказаться от картезианской концепции «духа в машине», которая описывает разум как особую ментальную субстанцию, подчиняющуюся сверхъестественным законам.

Образование целостного относительно устойчивого объединения событий, то есть сообщества или нарратива, связано с динамическим взаимодействием

актуальных событий между собой, которое в терминах Уайтхеда называется сращением (конкресценцией) [12, с. 603]. Первичной стадией трехстадийного процесса сращения является фаза инициации, в основе которой лежит схватывание (чувствование), — это процесс, посредством которого одно актуальное событие воспринимает другое и реагирует на него, фаза набора информации и контекстуализации. Схватывание может быть как физическое, так и концептуальное, но суть его неизменно состоит во взаимодействии и в взаимном непрерывном изменении за счет взаимодействия. Схватывание связывает актуальные сущности в сеть отношений, создавая основу для процесса становления.

На антропологическом уровне о схватывании можно говорить в рамках стадии переживания качественных разрозненных состояний, «сырых» ощущений, проходящих в феноменальном сознании (Ф-сознании). Представление о том, что внутренний мир сознательного *antropos* представляет из себя четкую и последовательную систему, не выдерживает критики, и интернальный процесс зачастую состоит из разрозненных переживаний, обрывков слов и образов, которые не всегда и не сразу объединяются в более оформленную структуру. Ф-сознание — это не мыслительная деятельность, не когнитивные содержания умозаключений или интенциональности. С точки зрения Д. В. Иванова, именно этот тип субъективного сознательного опыта незаслуженно упускался из поля зрения философов, начиная с Нового времени и заканчивая редукционной стратегией бихевиоризма «в результате рассмотрения сознания в качестве рациональной деятельности, заключающейся в совершении интеллектуальных, мыслительных операций» [9, с. 102]. Метафорически можно представить себе схватывание как процесс, подобный нахождению человека в темной комнате. Сперва его окружает полная темнота, но постепенно появляются ориентиры: звуки, оттенки светотени, тактильные ощущения от пространства и так далее. Это и есть схватывание на фазе инициации. Внутренний нарратив на этой стадии не сформирован, он флюиден, представляет из себя набор разрозненных ощущений, впечатлений, эмоций. Однако в плоской процессуальной онтологии схватывание относится не только лишь к однозначно сознательным объектам, но также и к любым прочим объектам, — например, когда камень лежит на земле, происходит схватывание камнем земли и наоборот, солнечный свет схватывает лист растения и наоборот, и так далее.

Следующая фаза — это фаза интеграции, на которой разрозненные элементы (схватывания) находятся в процессе объединения в новую структуру. Векторная форма, доминирующая на первой стадии сращения, уходит на второй план относительно сколярной формы сращения, то есть происходит обрастание значениями уже заданного вектором направления. На второй фазе начинает формироваться индивидуальная цель, которая направляет процесс скалярного сращения. Эта цель — есть определенный идеал, нечто, что актуальное событие стремится достичь, и он становится конечной причиной сращения. Индивидуальный идеал постепенно оформляется в процессе сращения, и он определяет, как различные чувствования будут интегрироваться в новое единство. Фундаментальная движущая сила всеобщего становления — креативность — проявляется на этой стадии сращением с максимальной интенсивностью [11]. Чувствования, которые изначально воспринимались как чуждые

или несовместимые, начинают трансформироваться. Они интегрируются в эстетическое единство, которое становится индивидуальным переживанием. На второй фазе чувствования приобретают эмоциональный характер. Это происходит благодаря наплыву концептуальных чувствований, которые добавляют глубину и интенсивность переживаниям. Эмоции здесь — это не просто субъективные реакции, а способ связи актуального события с другими сущностями во вселенной. Они подчиняются метафизическому принципу Уайтхеда, утверждающему, что быть чем-то означает иметь возможность достичь реального единства с другими сущностями.

Фаза интеграции подразделяется на два компонента: эмоциональный и интеллектуальный. Сперва происходит эмоциональное восприятие контрастов и ритмов, которые присущи процессу унификации. Чувствования усиливаются благодаря усвоению таких элементов, как боль, удовольствие, красота и отвращение. Это фаза, где восприятие становится более интенсивным. Во время интеллектуального дополнения происходит либо отрицание, либо принятие интеллектуального «видения». Если интеллектуальное видение допускается, то актуальное событие становится более структурным. В противном случае процесс остается «слепым», то есть лишенным интеллектуальной осознанности.

На уровне человеческого сознания мы можем говорить об обретении разрозненными сырыми ощущениями словесных форм, нагруженных все более сложными абстрактными содержаниями. Подобный процесс можно соотнести с тем, что Н. Блок называет сознанием доступа (Д-сознание). К сознанию доступа относятся такие внутренние феномены, которые отображают пропозиционную установку — мысли, мнения, желания, инструкции. Д. В. Иванов характеризует Д-сознание как ту форму содержания сознания, которая может характеризоваться придаточным предложением, начинающимся на «что»: «некто полагает, что» [9, с. 103]. Это то содержание, которое может привести к определенному действию, стать причиной изменений окружающей действительности или психологического состояния:

«По сути, этот вид сознания наиболее адекватно представлен в терминах управления информационными процессами и в таком своем качестве является удобным объектом для исследования с помощью функционалистской, когнитивистской методологии» [9, с. 103].

Вследствие своей более четкой формы, чем феномены Ф-сознания, они лучше поддаются изучению, в частности, при помощи предлагаемой Д. Деннетом гетерофеноменологии или психологических методик исследования. Внутренний нарратив на этой стадии приобретает большую четкость, однако нет окончательности в соотнесении и связях всех актуальных событий, на этой стадии нарратив еще может меняться и включать в себя новые актуальные сущности, новые связи между ними.

Большую роль на этой стадии играет память, содержимое которой такие философы, как Д. Чалмерс [7], также относят к сознанию доступа. Формирование актуальных сущностей или более сложносоставных структур, таких как сообщества (нарративы), происходят не из ничего, а на основе прошедших актуальных событий, вечных объектов. То есть можно говорить о предуста-

новке этого процесса, что часто становится темой обсуждения в современных нейронауках: восприятие не является пассивным процессом отображения мира как такового, человек неизбежно накладывает фильтр собственного опыта на любые объекты. Провести ряд экспериментов, наглядно демонстрирующий подобное явление, не составляет большого труда. К примеру, эксперименты, связанные с восприятием амбигуозных изображений [24], то есть изображений, на которых испытуемый может увидеть два разных объекта в зависимости от фокуса внимания. В подобных исследованиях ученым удается, повлияв на предуготовку восприятия, например, с помощью музыки, изменить то, какое именно изображение увидит участник эксперимента. В других экспериментах исследуются феномены приписывания человеком, казалось бы, нейтральным объектам (таким как бытовая техника, продукты питания) определенных моральных и характерологических качеств, в зависимости от предыдущего опыта субъекта, связанного прямо или косвенно с этими нейтральными объектами. Категоризация (или концептуализация) — это фундаментальный процесс в человеческом мозге. Хотя существуют споры о том, как именно работает категоризация, сам факт ее существования не вызывает сомнений.

Обретение более четких форм на данной стадии формирования сознательного нарратива связано с языком. Язык с позиций таких влиятельных лингвистических традиций, как традиция Хомского [20], рассматривается как непрерывный творческий процесс, система, опирающаяся на две необходимости для собственного функционирования: набор правил, по которым элементы связываются между собой, а также набор возможных элементов этой системы (словарем). Фундаментальная принципиальная способность, predisposition к овладению языком носит с позиций Хомского эволюционно-биологический характер, однако освоение языка конкретного происходит через интернализацию звучащей в раннем возрасте речи. Язык понимается как принципиально бесконечного соединения элементов из словаря в разнообразные более крупные единицы (словосочетания, предложения, нарративы, тексты и т. п.). Хомский вводит понятие «слияние» (merge) для обозначения базовой операции между двумя объектами, для объединения их в единую структуру, к тому же слияние рекурсивно, то есть результат одной операции merge может стать входным элементом для следующей операции. С онтологических позиций возможно рассмотрение «слияния» Хомского в качестве частного случая уайтхедовского «сращения» актуальных событий. А. Ф. Грязнов, опираясь на традиции Витгенштейна и Остина, полагал, что язык не просто отражает реальность, но и активно участвует в её конструировании. Язык задает категории, через которые мы воспринимаем мир, и формирует наше мышление. То есть те формы, которые приобретает наш сырой опыт на стадии инициации сращения, зависят от той языковой системы, которая нами усвоена: «Если принять тезис о том, что язык представляет собой деятельность, тогда следует признать, что значение его единиц — слов и выражений — тоже должно иметь процессуальный характер» [6, с. 8].

На фазе завершения, или сатисфакции, нарратив-сообщество достигает своей временной фиксированной формы, воплощающей решительное «да» или «нет». Однако в силу непрерывности организмического процесса реальности стадия сатисфакции — лишь только стадия процесса всеобщего становления,

которая, конечно, обладает некоторой связностью, но тем не менее не носит характер стабильности и нерушимости. Некоторые нарративы достаточно долго могут поддерживать относительную стабильность, другие же рассыпаются моментально, изменяемые новыми сращениями, непрерывной гибелью актуальных сущностей. Процессы ретроактивности и антиципации, то есть переосмысления прошлого и предсказания будущего, о которых говорят как Э. Гуссерль, так и Дж. Бурнер, есть отражение процесса непрерывного становления, которое не дает внутреннему нарративу оставаться в неизменности, подвергая его пересмотру. Однако некоторые нарративы оказываются достаточно негибкими и устойчивыми, даже если это нарративы более флюидные, чем нарративы так называемого материального мира. То есть ментальный сознательный нарратив (например, когнитивная установка) может быть в определенном понимании более устойчив к разрушению, чем камень.

Процессуальный взгляд трансформирует соотношение события и времени. Классическая модель мира основывалась на определенных фундаментальных категориях, в рамках которых пространство понималось как совокупность лишенных измерений точек, а время, в свою очередь, трактовалось как последовательность мгновений, не имеющих собственной длительности, но создающих ощущение протяженности благодаря своему порядку. Эта модель мира не только заложила основу для классической механики, но и определила направление развития научной мысли, акцентируя внимание на абстрактных и математически строгих представлениях о реальности. Однако А. Уайтхед переворачивает это представление, предлагая изменить ракурс рассмотрения отношений время-событие: не событие расположено на линии неумолимо текущего вперед времени, а время определяется составляющими его событиями [15]. Таким образом времени приписывается роль атрибутивного компонента события, наряду со свойством и объектом. В дальнейшем Дж. Ким выразил формулу конституирования события следующим образом: $[x, P, t]$, где x — объект, P — свойство, t — время [22, р. 60]. Аналогично разворачиваются процессы и на уровне индивидуального бытия (как части общего организмического процесса). Нарративная организация опыта, представляющее из себя события, связанные между собой и имеющие компоненту времени, становится одним из механизмов развертывания глобального становления. С точки зрения Деннета, процесс познания выходит за рамки работы отдельного индивида, вовлекая ресурсы культуры, общества и окружающего мира. Опираясь на идеи Р. Докинза, он трактует личность как канал для распространения нарративной информации, функционирующий в рамках эволюционного процесса, выступая переносчиком меме-вирусов [13]. Н. С. Юлина отмечает, что целостность мировоззрения в его философской системе сохраняется благодаря эволюционному когнитивизму в трактовке познания [16]. Современный натурализм, стремящийся учитывать актуальные достижения науки, неизбежно ставит под сомнение как интернальное акторство (свободу воли), так и экстернальное (высшую метафизическую силу). В то время как у Уайтхеда внешняя метафизическая сила отождествляется с Богом [11], Деннет исключает подобное допущение из своей онтологической концепции. В результате он рассматривает метафизическую проблему обоснования процессуальности

через призму нейтрального монизма, исследуя возможность существования сугубо бессубъектного процесса в каузально замкнутой, единосубстанциональной Вселенной. С позиций эволюционизма, который органично включается в натуралистическую процессуальную онтологию, временная компонента нарратива связана с адаптационной необходимостью успешного выживания.

А. Уайтхед также говорит о конститутивных функциях прошлого по отношению к настоящему: «Событие начинается как следствие, обращенное в прошлое, а заканчивается как причина, обращенная в будущее» [12, с. 595]. Сращение событий в случившиеся в прошлом, имеющие место в настоящем и возможные в будущем, соединенные между собой каузальными связями, повышает предсказательную и, следовательно, приспособительную способность [18, р. 3]. Стоит отметить, что предсказательная сила в данном случае весьма ограничена и носит характер «наброска» большей или меньшей степени четкости. Нарратив темпорально структурирует хаотический опыт и предполагает предсказывание будущего, исходя из воспоминаний прошлого и анализа текущего момента. Согласно данным современных нейронаук, когда человек слушает, рассказывает, читает нарративные структуры, активно работают области мозга, связанные с памятью (гиппокамп), предсказанием (кора больших полушарий) и эмоциями (например, амигдала), причем одновременно [17]. Этот феномен объясним тем, что для предсказания будущего мы анализируем прошлое, одновременно с этим и воспоминания, и ожидания вызывают у нас эмоции. Процесс интеграции времени (то есть динамического взаимодействие между прошлым, будущим и настоящим) является необходимым для нарративизации. Даже когда время разворачивается в нарративе нелинейно, тем не менее вовлеченность всех перечисленных процессов позволяет удерживать временную логику происходящего. Что вполне объяснимо с эволюционной точки зрения: негативные чувства связанные с прогнозом будущего в той или иной степени мотивируют человека избегать реализации мрачных перспектив. Подобное представление поддерживает онтологически натуралистический взгляд на субъективный опыт [16].

С чем с точки зрения современных натуралистических позиций может быть связана именно такая форма структурирования опыта, какую представляет из себя нарратив? На данный вопрос можно отвечать с позиций Деннетовского эволюционизма. Приведем аналогию с последовательностью ДНК и сформулируем вопрос следующим образом: «Почему именно такая последовательность ДНК существует?» [23]. Один из распространенных ответов заключается в том, что данная последовательность когда-то была случайностью, которая закрепилась благодаря позитивному влиянию на приспособительные возможности организма (Фрэнсис Крик [21] вводит такое понятие, как «замороженная случайность»). В дальнейшем возможные изменения закрепленной первоосновы повлекли бы за собой катастрофические, разрушительные последствия, ставящие под угрозу существования всей системы. Как было описано выше, мозг человека системно предрасположен к подобному структурированию реальности, данная форма отражает эволюционную необходимость предсказывать наиболее безопасные исходы будущего и действия, которые способны увеличить шансы благоприятного исхода событий. Подобное, однако,

не идентичное, структурирование реальности мы можем наблюдать не только у человека, но и у других существ и, возможно, неодушевленных систем (например, искусственный интеллект [17]).

Нарративность с необходимостью подразумевает под собой каузальную связанность компонентов [18, р. 5], характеризующуюся весом и направленностью. Вес каузальных связей может варьироваться от значительного до едва ощутимого, влияя на причинно-следственную согласованность нарратива. Причинность в натуралистической традиции также рассматривается как многокомпонентный динамический процесс, Б. Рассел писал: «Я считаю, что закон причинности, как и многое из того, что утверждают философы, является пережитком ушедшей эпохи, сохранившимся, подобно монархии, только потому, что ошибочно считается безвредным» [27, р. 387]. Понимание причинно-следственной связи усложняется вместе с развитием научного знания, и, несмотря на аксиоматическое признание каузальной закрытости Вселенной, в которой все имеет натуралистические причины и следствия, открывается необходимость увидеть многоаспектность этого феномена. В рамках процессуальной онтологии, как пишет Н. С. Юлина [15], события связаны друг с другом, взаимодействуют и взаимно трансформируются в общем непрекращающемся процессе становления. Изолированное атомарное существование недопустимо, с необходимостью предполагается различное взаимодействие [8].

«Наш разум предрасположен к тому, чтобы соединять вещи между собой. Он неотступно ищет структуру» [19], и в тоже время заданная структура непрерывно меняется, обновляется, то есть находится в процессе постоянного становления. Поиск баланса между потребностью к гибкости, адаптивности, открытости к изменениям и в тоже время потребностью в постоянстве и закономерностях — конфликтные тенденции как нашего разума, так и нашего мозга [17, р. 11]. Нарративная форма структурирования опыта помогает, с одной стороны, формированию паттернов, с другой стороны, допускает динамическое обновление. Популярные термины «схема» или же «паттерн» не отражают процесса постоянного обновления и коррекции, поэтому их использование осложняет восприятие устройства как мозга, так и сознательного опыта. Флюидную сущность сознания отражает введенное Д. Деннетом определение самости (Я) как «центра нарративной гравитации» (центра тяжести) [13], по аналогии с физическим представлением о центре масс. Было бы категориальной ошибкой отождествить центр тяжести с конкретным атомом, так как центр тяжести является абстракцией, используемой учеными для практических целей. Данное представление можно экстраполировать на самость — абстракцию, обусловленную, как писалось выше, эволюционной необходимостью; то есть искать некую конкретную локализацию, нейрокоррелят самости было бы ошибочно. Понятие самости, эго, может быть использовано для удобства, оно выхватывает на время из процессуального становления лишь некое событие, которое само по себе динамично. Однако в связи с этим возникает сложность, в какой момент согласованность и связанность перестает быть достаточной для удержания приемлемого уровня целостности и сознания. Ощущение тождества личности, как своей, так и Другого, может быть обеспечено за счет памяти, нарративной интеграции времени и других механизмов.

Нарратив стремится к правдоподобности за счет согласованности, конституированный хронологическими, каузальными компонентами событий, при необходимости разброса возможной гибкости, обеспечивающие открытость для встраивания новых событий. Человек сталкивается со сложностями адаптации в обоих случаях: и когда его сознательный опыт слишком ригиден и не приемлет нового, и когда какое-либо структурирование хаотичной реальности не представляется возможным [29]: «язык — это щит, ограждающий нас от ужасов прямого контакта с миром, который происходит в опыте» [1, с. 33]. Д. Волков иллюстрирует механизм функционирования нарратива через ретроспективную атрибуцию ментальных содержаний [4, с. 329] — подмену первоначальной интенции к действию (например, в связи с получением соответствующего изначальной интенции результата) на поддерживающую большую нарративную согласованность. Однако есть еще одна форма сосуществования с прошлым, иллюстрирующая стремление к нарративной согласованности, так называемая «боль Прометея» [1, с. 448]. Те случаи, когда тяжелое событие прошлого не уходит в забвение и настолько не вписывается в нарратив (личный и/или общественный), что не может быть встроено без его фундаментального пересмотра. Человек застревает между собой прошлым и собой будущим, в безвоздушном пространстве переработки парадоксального опыта. Весь ужас мифа о Прометее заключается в том, что орел выклевывал его печень, но та регенерировала снова, таким образом мучение возобновлялось и не могло завершиться. Так же и в личностном нарративном кризисе — человек не может уместить в одном представлении себя и некое событие или осознание, механизм ретроспективной атрибуции выходит из строя.

Московский центр аналитической философии является беспрецедентно значимым для развития аналитической традиции в нашей стране. Активная научная, публикационная, а сегодня и популяристическая деятельность целого ряда поколений московских философов безусловно продвигает отечественных исследователей на пути осмысления важнейших вопросов аналитической философии, связанных в том числе с темой сознания. Огромный вклад в становление московской традиции аналитического философствования вложила Н. С. Юлина, посвятившая свою плодотворную жизнь исследованиям в этой сфере знания. В частности, в рамках данной статьи рассмотрено критическое осмысление Н. С. Юлиной структуры и механизмов нарративного сознания. Нарратив, в широком смысле последовательность упорядоченных во времени и связанных между собой событий особым образом событий, лежит в основе понимания сознания в процессуальной натуралистической онтологии Д. Деннета. Н. С. Юлина анализирует линию преемственности Д. Деннет — А. Уайтхед, постулируя сформированную систематическую, можно даже сказать метафизическую, теорию [16, с. 206]. А. Уайтхед рассматривает событие как онтологическую нарративную единицу, отказываясь таким образом от нейтрального, ментального и физического субстанциализма. Событию приписывается ряд атрибутивных компонентов, в том числе темпоральность, которую Д. Деннет рассматривает уже с позиций когнитивного эволюционизма, опираясь в том числе на современные научные данные. Подобный

ракурс рассмотрения сознания открывает исследовательские и практические перспективы в науках о сознании, в частности, в вопросах о тождестве личности и нарративных помогающих практиках, таких как психологическое консультирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анохин К. В. Последний великий рубеж наук о жизни. М.: Экономические стратегии, 2010.
3. Волков Д. Б. Преимущества нарративного подхода к проблеме тождества личности // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 166–175.
4. Волков Д. Свобода воли: иллюзия или возможность. М.: Карьера Пресс, 2018. 368 с.
5. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 528 с.
6. Грязнов А. Ф. Язык и деятельность: Критический анализ витгенштейнианства. М.: Изд-во Московского университета, 1991. 152 с.
7. Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: ИД Стратегия-Центр, 2007.
8. Заславская Е. А. Проблема тождества личности в философии Бертрانا Рассела // Вестник РХГА. 2022. Т. 23. № 3–2. С. 25–35.
9. Иванов Д. В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018.
10. Иванов Д. В. Рецепция аналитической философии в России // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 106–117.
11. Никоненко С. В. Понятие Бога в системах Рассела и Уайтхеда в контексте английской теологической мысли // Вестник РХГА. 2020. Т. 21. № 4–2. С. 200–209.
12. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 717 с.
13. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. М.: КАНОН+, 2004. 544 с.
14. Юлина Н. С. Очерки по философии в США. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 304 с.
15. Юлина Н. С. Организмическая теория бытия Уайтхеда. «Бог» как процесс и творчество. М.: Проблемы метафизики в американской философии XX века, 1978.
16. Юлина Н. С. Философский натурализм. О книге Д. Деннета «Свобода эволюционирует». М.: КАНОН+, 2007. 240 с.
17. Armstrong P. Stories and the Brain. Johns Hopkins University Press, 2020. 259 p.
18. Beach L. R. The Structure of Conscious Experience. Cambridge Scholars Publishing, 2019. 122 p.
19. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Fiction and Film, 1978.
20. Chomsky N. The minimalist program. MIT press, 2014. 393 p.
21. Crick F. The Origin of the Genetic Code. Journal of Molecular Biology, 1968.
22. Kim J. Philosophy of Mind. 2nd ed. Westview Press, 1998. 258 p.
23. Orr H. A. The Genetic Theory of Adaptation: A Brief History. Nature Reviews Genetics, 2016.
24. Prinz J., Seidel A. Alligator or squirrel: Musically induced fear reveals threat in ambiguous figures // Perception. 2012. Vol. 41. No. 12. P. 1535–1539.

25. Russell B. Analysis of Mind. Routledge, 2005. 312 p.
26. Russell B. An Outline of Philosophy. Bibliotech Press, 2023. 294 p.
27. Russell B. On the Nature of Acquaintance, Part I: Preliminary Description of Experience. The Monist, 1914.
28. Whitehead A. N. The Function of Reason. Princeton: Princeton University Press, 1929. 112 p.
29. Wolberg L. R. The Technique of Psychotherapy. Jason Aronson Inc; 4th edition, 2005. 1472 p.

REFERENCES

1. Ankersmit, F.-R. *Vozvysheynyi istoricheskii opyt* [A sublime historical experience]. Moscow, Evropa, 2007 (in Russian).
2. Anokhin, K. V. *Poslednii velikii rubezh nauk o zhizni* [The Last Great Frontier of Life Sciences]. Moscow, Ekonomicheskiiye strategii, 2010 (in Russian).
3. Volkov, D. B. Πρειμυσηχησεττω ναρρατιπνογο ποδκηοδα κ προβλεμε τοζηδεσεττω λιχηνοσσι [The benefits of a narrative approach to the problem of personal identity]. In: *Filosofskii zhurnal*, vol. 11, no. 3, 2018, pp. 166–175 (in Russian).
4. Volkov, D. *Svoboda voli: illiuziia ili vozmozhnost'* [Free will: an illusion or a possibility]. Moscow, Kar'era Press, 2018 (in Russian).
5. Griaznov, A. F. *Analiticheskaiia filosofiia: stanovlenie i razvitie* [Analytical philosophy: formation and development]. Moscow, Progress-Traditsiia, 1998 (in Russian).
6. Griaznov, A. F. *Iazyk i deiatel'nost': Kriticheskii analiz vitgenshteinianstva* [Language and Activity: A Critical Analysis of Wittgensteinianism]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1991 (in Russian).
7. Dubrovskii, D. I. *Soznanie, mozg, iskusstvennyi intellekt* [Consciousness, brain, artificial intelligence]. Moscow, ID Strategiiia-TSentr, 2007 (in Russian).
8. Zaslavskaiia, E. A. *Problema tozhdestva lichnosti v filosofii Bertranda Rassela* [The Problem of Personal Identity in Bertrand Russell's Philosophy]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 23, no. 3–2, 2022, pp. 25–35 (in Russian).
9. Ivanov, D. V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniia* [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2018 (in Russian).
10. Ivanov, D. V. *Retseptsiiia analiticheskoi filosofii v Rossii* [Reception of analytical philosophy in Russia]. In: *Filosofiia nauki i tekhniki*, vol. 20, no. 2, 2015, pp. 106–117 (in Russian).
11. Nikonenko, S. V. *Poniatie Boga v sistemakh Rassela i Uaitkheda v kontekste angliiskoi teologicheskoi mysli* [The Concept of God in Russell and Whitehead's Systems in the Context of English Theological Thought]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 21, no. 4–2, 2020, pp. 200–209 (in Russian).
12. Whitehead, A. N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Moscow, Progress, 1990 (in Russian).
13. Iulina, N. S. *Golovolomki problemy soznaniia* [Puzzles of the problem of consciousness]. Moscow, KANON+, 2004 (in Russian).
14. Iulina, N. S. *Ocherki po filosofii v SShA* [Essays on philosophy in the USA]. Moscow, Editorial URSS, 1999 (in Russian).
15. Iulina, N. S. *Organizmicheskaiia teoriia bytiia Uaitkheda. "Bog" kak protsess i tvorchestvo* [Whitehead's Organismic Theory of Being. "God" as a Process and Creativity]. Moscow, Problemy metafiziki v amerikanskoi filosofii XX veka, 1978 (in Russian).

16. Iulina, N. S. *Filosofskii naturalizm. O knige D. Denneta "Svoboda evolutsiionirue"* [Philosophical Naturalism. About D. Dennett's book "Freedom Evolves"]. Moskow, KANON+, 2007 (in Russian).
17. Armstrong, P. *Stories and the Brain*. Johns Hopkins University Press, 2020 (in English).
18. Beach, L. R. *The Structure of Conscious Experience*. Cambridge Scholars Publishing, 2019 (in English).
19. Chatman, S. *Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film*. Fiction and Film, 1978 (in English).
20. Chomsky, N. *The Minimalist Program*. MIT Press, 2014 (in English).
21. Crick, F. *The Origin of the Genetic Code*. In: *Journal of Molecular Biology*, 1968 (in English).
22. Kim, J. *Philosophy of Mind*. 2nd ed., Westview Press, 1998 (in English).
23. Orr, H. A. *The Genetic Theory of Adaptation. A Brief History* Nature Reviews Genetics, 2016 (in English).
24. Prinz, J., and Seidel, A. *Alligator or Squirrel: Musically Induced Fear Reveals Threat in Ambiguous Figures*. In: *Perception*, vol. 41, no. 12, 2012, pp. 1535–1539 (in English).
25. Russell, B. *Analysis of Mind*. Routledge, 2005 (in English).
26. Russell, B. *An Outline of Philosophy*. Bibliotech Press, 2023 (in English).
27. Russell, B. *On the Nature of Acquaintance, Part I: Preliminary Description of Experience*. The Monist, 1914 (in English).
28. Whitehead, A. N. *The Function of Reason*. Princeton: Princeton University Press, 1929 (in English).
29. Wolberg, L. R. *The Technique of Psychotherapy*. 4th ed., Jason Aronson Inc., 2005 (in English).